

— Ваше Величество, маленький герцог Сюй исключительно талантлив, вот только нрав у него слишком буйный.

В этот момент ректор Гоцзыцзяня Кун Минчжэнь посмотрел на Императора Юанькана, с улыбкой сложил руки в приветственном жесте и произнес:

— Почему бы Вашему Величеству не отправить его к нам в Гоцзыцзянь? Мы сбережем его вместе с парой старейшин, лично вылепим из него человека, как вам такое?

Услышав это, Император Юанькан тут же взорвался:

— Идите, идите, идите! Думаете, Я не знаю, о чем думают вы, старые хрычи? Даже и не мечтайте!

Император Юанькан ответил наотрез:

— Он — мой человек, Мы с Императрицей сами займемся его воспитанием, и никто из вас даже не смеет соваться...

Отдать его вам на воспитание?

Мы с таким трудом дождались подобного гения, чтобы вы вырастили из него старого зануду?

Какая к черту польза от старого зануды, знающего толк в этике и книгах?

Молодой человек должен быть чуточку диким, чуточку дерзким. Пока он прав, какую бы чудовищную беду ни натворил, Я прикрою!

— Уважаемый ректор, не спорьте об этом с Вашим Величеством, — Императрица тронула губы улыбкой и сказала: — К тому же этот сорванец не отличается спокойным нравом. Если он и впрямь заявится в Гоцзыцзянь, боюсь, ваше заведение встанет на уши.

На самом деле она хотела сказать: если и вправду позволить Сюй Аню явиться в Гоцзыцзянь, то тамошние наставники и ученики, чего доброго, дойдут до экзистенциального кризиса.

Учить его? Кто из вас вообще способен учить столь сверхъестественного гения, который играючи справился с задачей про фазанов и кроликов в одной клетке, решил магические квадраты девятого, шестнадцатого и тридцать второго порядков?

Что же до его характера...

Императрица слегка прищурилась и улыбнулась.

Если бы он и впрямь был таким послушным, то как бы у нее появилась возможность приструнить его?

— Ваше Величество, у вас полно государственных дел, а у матушки-Императрицы — заботы о шести дворцах, вы наверняка не успеваете за всем уследить.

Если Сюй Ан придет в Гоцзыцзянь, мы, несколько стариков, будем лично следить за ним и уж точно вырастим для Вашего Величества непревзойденного гения.

Кун Минчжэнь вовсе не собирался упускать такую возможность. В конце концов, это был ученый еще более выдающийся, чем Цинь Вэньцзянь, заполучить его в Гоцзыцзянь — несомненно, огромная удача для всей академии.

А неприятности?

Разве славный Гоцзыцзянь боится, что ученики натворят дел?

Когда в последний раз — если вспомнить хотя бы столетие назад — диспуты об учености и Пути, столь присущие Гоцзыцзяню, были по-настоящему яркими?

От споров до покрасневших лиц и ярости, словно перед тобой убийца твоего отца, до нынешней мягкой вежливости и приторного мира... Это уже не ученость и диспуты, а стоны абсолютно здоровых людей.

Если бросить такого смутьяна, как Сюй Ан, в Гоцзыцзянь, это, конечно, может вызвать там страшный кавардак, но с той же вероятностью способно вдохнуть в Гоцзыцзянь новую жизнь!

Этот риск... стоил того.

Разумеется, главное всего было то, что этот малый занимает первое место в Поднебесной по части стихов и песен. Сочинит тогда поэму «В дар моему учителю Кун Минчжэню», и она будет передаваться в веках.

Одно удовольствие об этом подумать... Ха-ха-ха-ха...

— Верно, Ваше Величество, Сюй Ан просто обязан поступить в Гоцзыцзянь, это веление времени.

— Ваше Величество, Гоцзыцзяню как раз нужны такие таланты, как Сюй Ан, надеемся на

милость Вашего Величества.

— ...

Остальные наставники тоже принялись наперебой складывать руки в приветственных жестах, видом своим показывая: если не отдадите, мы от вас не отстанем.

Наблюдая за этой сценой, зеваки едва ли не морщились от зависти: этот главный гуляка Цзинду за один день превратился в желанный лакомый кусочек!

И это пока только Гоцзыцзянь. Когда весть разнесется дальше, бесчисленные академии, пожалуй, начнут наперебой оспаривать его друг у друга, и даже отшельническая Академия Цзися, возможно, не усидит на месте.

Старшая барышня клана Сюй уже стала ученицей главы Академии Цзися, и это вызывало черную зависть у всей столичной аристократии. Если на Сюй Ана еще и глава Академии Цзися положит глаз, то в клане Сюй сразу появится два выдающихся человека!

Разве у этого старого пройдохи Сюй Сяо от радости не задымились бы могилы предков?

А больше всех радовался, конечно же, Сюй Сяо.

У старого Сюя рот сейчас почти до ушей растянулся, он изнывал от восторга и буквально приплясывал.

Ага, у этой ватаги стариков тоже настали денечки! Когда-то давным-давно я умолял вас поучить моего сына, так вы мало того что отказали каждый поодиночке, так еще и готовы были плюнуть мне в лицо.

А теперь захотели учить моего сына? Хм! А вы спросили моего мнения?

Наблюдая за этой картиной, Император Юанькан тоже начинал злиться. Всё ведь было сказано настолько прямо, а эта шайка стариков все равно препирается с таким бесстыдством!

Он взмахнул рукавом и бросил:

— Разве Мои слова прозвучали недостаточно ясно? Или Императрица выразилась нечетко? Сюй Ан вам не достанется!

Этот сорванец будет воспитываться под Моим личным присмотром, и никто из вас не смеет сунуть сюда нос.

И еще: не думайте, будто Я не ведаю, что на уме у вас, старых хлыщей. Даже и не мечтайте! Он пока еще слишком сырой, если вы заиграете его до смерти, у кого Мне искать правды?

Кун Минчжэнь тут же поднял руку, заверяя:

— Ваше Величество может быть абсолютно спокоен, мы, ваши слуги, уж точно не станем навязывать ему собственные мысли.

И раз уж Ваше Величество так благоволит Сюй Аню за его нестандартность, за готовность дерзать и действовать, то и мы ценим ровно то же самое!

Кун Минчжэнь повернулся к Сюй Аню, которого как раз подбрасывали в воздух и который отчаянно крыл всех матом:

— То, что Ваше Величество оставляет Сюй Ана при себе для личного воспитания — благо, конечно, но в то же время и зло.

Столь чрезмерное баловство приведет лишь к двум крайностям!

Либо он станет сильнейшим, либо слабейшим.

Сильнейший — пожалуй, еще один Чжао Си, а слабейший... боюсь, растеряет весь свой блестящий талант!

Лица высокопоставленных сановников на высокой трибуне мгновенно исказились: ну ты и старик, действительно ничего не боишься! Смотри, вернется Чжао Си, объединится с придворной партией и всыплет тебе по первое число.

Сюй Сяо чуть не подпрыгнул, собираясь с одного удара прибить этого старого хрыча.

Старый хрен, я ведь с тобой не в ссоре, какого черта ты пытаешься меня погубить?

Смысл слов Кун Минчжэня был прост: Сюй Ан, окруженный монаршей заботой, со своим незаконным характером вполне способен натворить дел незаконных.

Если он пойдет по стопам Чжао Си — создаст клику и попытается отстранить императора от власти, — а за его спиной встанет великий полководец Сюй Сяо со своими сотнями тысяч солдат, дело примет серьезнейший оборот.

У этого старика, возможно, и не было дурных помыслов, но из уст его звучало поистине отравленно!

И впрямь, глаза Императора Юанькана слегка сузились, он погрузился в раздумья.

Увидев, что дело сдвинулось с мертвой точки, Кун Минчжэнь задействовал главный козырь!

— Ваше Величество, если Сюй Ан поступит в Гоцзыцзянь, результат будет совсем иным.

Поглаживая длинную бороду, он с улыбкой произнес:

— Этот малец не признает правил, его не сдерживают высокие моральные трактаты. Разве Ваше Величество не считает, что именно в этом сейчас больше всего нуждается литературная сфера Великого Гань?

Вашему Величеству нужен свирепый тигр, способный прорубить путь сквозь тернии, и литературной сфере Великого Гань тоже необходим свирепый тигр, который вихрем ворвется туда, сокрушит устаревшие воззрения и сбросит оковы священных текстов.

Через год, два или три эта погруженная в оцепенение литературная сфера Великого Гань оживет, и тогда на свет появятся бесчисленные маленькие тигрята!

Так что по-вашему лучше: один свирепый тигр или великая схватка множества тигров?

Император Юанькан потер подбородок, представил эту картину — и сердце его тут же дрогнуло.

Что сейчас бесит его больше всего? То, что вся система чиновничества Великого Гань — от столичных министров до главных начальников в уездах и округах — поголовно считает себя учениками Чжао Си.

Один лишь Чжао Си представляет собой всю литературную сферу Великого Гань. А если бросить туда Сюй Ана... если его не захлестнет девятым валом, то он сам этот вал и утопит.

Когда литературная сфера Великого Гань оживет, чего тогда бояться какого-то Чжао Си?

— Рассуждаешь ты небезосновательно...

Император Юанькан посмотрел на Сюй Сяо:

— Сюй Сяо, а ты что думаешь?

— Ваше Величество, мой сын не знает правил, боюсь, он лишь осквернит обитель мудрецов. Это дело категорически не подходит, я не согласен.

Сюй Сяо, разумеется, понимал, что император уже дал добро, просто тот знал, сколько жёлчи пришлось проглотить самому Сюй Сяо под началом этой шайки стариков, и теперь просто выпускал пар.

Раз уж Его Величество так щедр на милости, с какой стати ему выказывать любезность этой банде стариков?

— Хм, хотите, чтобы сын Сюй Сяо ступил в Гоцзыцзянь? Ждите следующей жизни! Об этом и речи быть не может.

Сюй Сяо взмахнул ручищей, решительно отказавшись.

Лицо Кун Минчжэня окаменело, он мгновенно пришел в ярость:

— Сюй Пройдоха, не перегибай палку! Разве я не просто отчитал тебя пару раз? И у тебя, Великого маршала всех войск Поднебесной, вот столько терпимости?

Вступление Сюй Ана в Гоцзыцзянь принесет колоссальную пользу всем ученым Поднебесной, ты должен ради государственных интересов...

— Идите, идите, идите, хватит вешать мне на уши лапшу. — Сюй Сяо прижал ладонь к висящему на поясе мечу, подался вперед и уставился на Кун Минчжэня.

Затем он ткнул пальцем в собственное лицо:

— У меня, старого Сюя, терпимости ровно на столько! Интересы государства? Когда я с сотней тысяч отборных воинов защищал Поднебесную, ты еще в постельке под себя мочился!

Хм, я не согласен, и мой сын не согласится, оставьте свои надежды!

— Ты... ты... ты... — Кун Минчжэнь от гнева едва не задохнулся.

— Сюй Пройдоха, бесстыдник!

— Какое падение нравов, какое падение нравов! Сюй Сяо, бессовестная твоя рожа, грубиян!

— ...

Остальные наставники Гоцзыцзяня тоже взорвались. Император уже дал добро, а ты, Сюй Пройдоха, что устраиваешь цирк?

Лицо Императора Юанькана тоже едва заметно подергивалось.

Ах ты, Сюй Сяо, неужто Я слишком распустил тебя? Даже не смотришь, где находишься, и не можешь придержать свой поганый язык?

— Ваше Величество...

Заметив, что Кун Минчжэнь уставился на него, Император Юанькан поспешно прервал его:

— Дорогой подданный Кун, Мы уже дали согласие, но заставить Сюй Ана согласиться — это вы уж как-нибудь сами думайте.

Если Мы издадим указ отправить его в Гоцзыцзянь насильно, у него возникнет сопротивление, и толку от этого выйдет мало.

Мы будем ждать ваших вестей во дворце... Ха-ха, возвращаемся.

Настроение у Императора Юанькана было неплохим, он заложил руки за спину и зашагал вниз по высокой трибуне.

Грызйтесь-ка теперь сами! Кто просил вас так принижать Сюй Ана в самом начале?

Разве можно добиться чьего-то прощения, не заплатив за это хоть какой-то цены?

Кун Минчжэнь и остальные на мгновение остолбенели... Почему им кажется, что и император, и Сюй Сяо просто мстят им?

— Сюй Сяо, разобравшись со всем здесь, не забудь отправиться в военный лагерь за сотней палочных ударов!

Проходя мимо красующегося Сюй Сяо, Императрица бросила на него ледяной взгляд.

— Совсем растерял вид великого маршала! Я отправлю евнуха Суня исполнить наказание лично!

Улыбка на лице Сюй Сяо мгновенно застыла. О небеса! Он же забыл, что здесь Императрица! Что он только что сболтнул?

Кун Минчжэнь и прочие великие ученые, глядя на отупевшего Сюй Пройдоху, почувствовали, как гнев в их сердцах утих больше чем наполовину.

— Сюй Пройдоха, ты ведь хочешь, чтобы мы тебя поугovarивали? Мечтай!

Кун Минчжэнь презрительно сплюнул в сторону Сюй Сяо, развернулся вместе с остальными и зашагал прочь: — Хм, уходим!

— Уважаемый ректор, мы что, и правда сдадимся?

Кто-то не удержался от вопроса, не желая так просто бросать затею с Сюй Анем.

— Кто сдался? Сюй Пройдоху нам точно не переубедить, остается зайти с другой стороны — через самого Сюй Ана.

Кун Минчжэнь скрипел зубами:

— Разузнайте-ка мне всё о том, что любит этот сорванец! Выкопайте его и перетащите в Гоцзыцзянь любой ценой.

Если его утащит Академия Цзися, это станет позором для нашего Гоцзыцзяня!

Услышав это, люди озадачились.

Что любит этот Сюй Ан?

Деньги?

У семьи Сюй горы золота, разве он нуждается в деньгах?

Женщины?

Мм... над этим стоило подумать.

— Ректор, ваш покорный слуга помнит, что вашей внучке в этом году как раз шестнадцатый год исполнился, и она еще не сосватана...

Кун Минчжэнь резко обернулся:

— Пошел вон!

Чтобы заполучить какого-то Сюй Ана, ему еще и собственной внучкой жертвовать?

О чем вы вообще думаете...

...

— Он должен умереть.

Чжан Аньши и Цинь Дехай плелись позади императора, глядя на приковывающего всеобщее внимание Сюй Ана, лица их перекосило от злости.

Только что состоявшийся разговор между ректором Гоцзыцзяня Кун Минчжэнем и императором был негромким, но поскольку они стояли близко к трону, то, разумеется, расслышали каждое слово.

Раз уж в такой обстановке Кун Минчжэнь и император открыто обсуждали подобные вещи, о чем это говорит?

Это говорит о том, что недовольство императора канцлером Чжао Си достигло предела, когда терпеть уже невозможно.

Теперь, когда в его руках появился такой меч, как Сюй Ан, стоит тому ступить в императорскую академию Гоцзыцзянь и действительно запустить волну реформ в учености, как это неизбежно начнет угрожать позициям, которые Чжао Си выстраивал все эти годы.

— Обо всем случившемся здесь нужно немедленно доложить премьер-министру и... ему.

Цинь Дехай сохранял хоть какое-то хладнокровие, пробормотав:

— Если не покончить с Сюй Анем, бед не оберешь...

На лице Чжан Аньши отразилась злая ярость, он холодно бросил:

— Если бы дело касалось только Сюй Ана, разобраться с ним несложно, но задумывался ли ты над одной вещью... Сюй Ан вел себя как разгильдяй больше десяти лет, откуда у него такие познания? Кто его учил?

Лицо Цинь Дехая мгновенно переменилось.

Верно! Все эти навыки Сюй Ана, судя по всему, были тайной даже для самого императора.

А ведь они постоянно вели слежку за Резиденцией князя Динго и никогда не замечали, чтобы Сюй Ан контактировал с какими-либо светилами литературы. Откуда же взялись его знания?

Не станете же вы утверждать, что его выучил Сюй Пройдоха?

— Академия Цзися! — вынес вердикт Чжан Аньши.

Обладать подобными способностями могла, пожалуй, лишь отшельническая Академия Цзися.

К тому же старшая барышня клана Сюй, Сюй Цинфэн, является прямой ученицей главы Академии Цзися.

— Если тут и правда замешана Академия Цзися, дело принимает серьезный оборот. Нужно незамедлительно доложить обо всем наверх, — помрачнев лицом, произнес Цинь Дехай. — К тому же нам необходимо срочно придумать, как исправить положение, иначе Сюй Ан еще не умрет, а вот мы с тобой погибнем первыми.

Чжан Аньши холодно хмыкнул:

— Поездка наследного принца за гуманитарной помощью — вот наш шанс!

Глаза Цинь Дехая сузились, мгновенно наполнившись жестокостью.

Гуманитарная помощь? Хе! Так пусть же эта помощь обернется настоящим бедствием!

— Господин Чжао, что нам делать?

В секторе литературной среды Великого Гань Вэй Цзичжэн смотрел на купающегося в лучах славы Сюй Ана со страшным перекошенным лицом.

Эта самая яркая звезда Великого Гань по праву должна была принадлежать ему, а теперь ее украл Сюй Ан.

— Что делать? Разумеется... придумать способ прикончить его!

Лицо Чжао Гао оледенело, он сплюнул на землю, и улыбка его постепенно стала безумной:

— Посольство Дун Юй сегодня так позорно проиграло, им сейчас наверняка несладко, верно?

— Господин Чжао, вы имеете в виду... найти Цинь Вэньцзяня? — Глаза Вэй Цзичжэна ярко вспыхнули.

Сегодня посольство Дун Юй потерпело сокрушительное поражение, им наверняка паршиво на

душе, и они должны смертельно ненавидеть главного виновника — Сюй Ана.

Убийство чужим мечом — почему бы и нет?

— Цинь Вэньцзянь? Какой толк от простого книжника?

Чжао Гао поднялся на ноги, и улыбка его стала еще шире:

— Найдем Юйвэнь Ху. Этот принц Дун Юй с радостью пойдет с нами на сотрудничество, ведь у нас общий враг — Сюй Сяо!

Другие могли этого не заметить, но он-то обратил внимание.

Отношение Юйвэнь Ху к Сюй Аню: сначала пренебрежение, потом оцепенение, а в конце — нескрываемая жажда убийства!

Раз уж появилась жажда убийства, почему бы ею не воспользоваться?

— Мудро с вашей стороны, господин Чжао.

Вэй Цзичжэнь поспешно польстил ему.

Чжао Гао бросил на Вэй Цзичжэня косой взгляд. Припомнив подсказки, которые Фань Мао давал Вэй Цзичжэню, он хотел что-то сказать, но в последний момент проглотил слова, и лишь в его глазах заплескался густой язвительный блеск.

— Пойдемте тоже.

Хмыкнув, он увлек своих людей за собой.

Переполненная до отказа арена вскоре опустела, там оставались лишь Сюй Ан да ватага молодых воинов, продолжавших бурно веселиться!

— Черт возьми, хватит меня подбрасывать, меня же сейчас на куски тряхнет!

— Раз уж нам так весело, разве не подобает этому месту сопровождаться красавицами и вином?

Услышав его голос, толпа воинских сынков тут же поставила его на землю.

— Тогда в Баэнь Ясной Луны, с тебя угощение!

Чэн Ху принялся строить глазки и выдал:

— Скоро ежегодный конкурс главных красавиц. Благодаря твоему Стихотворению о красавице девица Цзян вполне сможет занять высшие места.

А если подкинешь еще парочку стихов, первое место в этом году точно достанется ей!

Так почему бы... не воспользоваться случаем?

При этих словах компания молодых воинов дружно завывала:

— А-а-а... моё сердце разрывается!

— Девица Цзян, прости меня! При встрече мне теперь придется называть тебя не иначе как невестка.

— ...

Сюй Ан, вспомнив стройные ножки, гибкую талию и личико Цзян Юйчжу, почувствовал, как в груди зародилось сладкое волнение.

А что? Не воспользоваться ли случаем и не захомутать ее?

Вроде бы неплохая мысль.

— Тогда чего мы ждем? В Баэнь Ясной Луны, выпивка за мой счет!

Обняв Сяо Юаньлана за плечи, Сюй Ан тут же выпятил грудь и зашагал в сторону города.

— Эй, погодите, я вообще-то наследный принц, публичные дома — не те места, куда мне положено ходить.

Лицо Сяо Юаньлана резко покраснело, он стряхнул руку Сюй Ана и выпалил:

— Соблазнять наследника престола в бордель — ты понимаешь, что это государственное преступление?

Черт возьми!

Да ясное дело, понимаю!

Я же специально это делаю.

Приведу тебя в бордель, и добрая половина сегодняшних заслуг тут же обнулится.

Тогда император сможет пинком вернуть меня к прежней жизни, и начнется моя законная беззаботная жизнь, ха-ха-ха...

— Идем-идем, Сяо Юаньлан, это называется отрицаешь, а сам не против!

Сюй Ан бросил на Сяо Юаньлана косой взгляд:

— Уж у тебя-то сердце затрепетало, так и признай! Если не хочешь идти, так брыкался бы сильнее, кочевряжишься тут, будто ты невинная девица!

Забудем сегодня о твоём высоком звании, а завтра вместе отгребем люлей!

Уголки ртов Сяо Юаньлана слегка дернулись:

— Боюсь, на сей раз некому будет подстелить нам соломку.

Сюй Ан бросил взгляд назад — там толпилось добрых два-три десятка человек — и изрек:

— Наверное... за законность толпы наказывать не станут?

— Возможно, вероятно, пожалуй... Но взгляни-ка вперед.

Сюй Ан поднял голову и увидел стоящую у городских ворот Сяо Ланьэр. В белых одеждах, она выглядела словно сошедшая с небес бессмертная фея!

При виде этой ледяной красавицы радостная атмосфера вокруг мгновенно испарилась.

— Приветствуем принцессу-высочество!

За исключением Сяо Юаньлана, все остальные дружно отвесили поклоны.

— Поднимитесь все!

Сяо Ланьэр взмахнула рукой, перевела взгляд на Сюй Ана и произнесла:

— Сюй Ан, у меня есть к тебе разговор.

Сяо Юаньлан и остальные воины тут же сообразили, что к чему, и засобирались прочь.

Сюй Ан решительно придержал Сяо Юаньлана за плечо и громко сказал:

— Что хочет сказать принцесса-высочество? Я и так знаю.

— Знаешь? — прекрасные глаза Сяо Ланьэр сузились. Я сама еще не знаю, что тебе сказать, а ты уже знаешь?

Она просто услышала, сходя с лестницы, как Сюй Ан с компанией собираются выпить в Баэнь Ясной Луны, и ее ноги сами, помимо воли, привели ее сюда!

— Разумеется, принцесса-высочество сейчас наверняка без ума от меня, но я хочу сказать тебе следующее...

Сюй Ан встал перед Сяо Ланьэр и с улыбкой произнес:

— Пожалуйста, не увликайся мной, я всего лишь легенда. Хоть мне и жаль, но я должен сказать... чтобы я взял тебя в жены — ни за что!

Но если надумаешь навязываться сама — добро пожаловать!

Пошли, выпьем вина.

Прихватив Сяо Юаньлана, он увлек за собой всю ватагу воинских сынков.

Сяо Ланьэр застыла на месте.

А затем ее прелестное личико побагровело от гнева, и ярость залила ее изнутри:

— Сюй Ан! А ну стоять!

— Чего тебе? Неужто принцесса-высочество желает выпить с нами?

<http://bllate.org/book/19190/1884733>